

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

2014, № 9, сс. 210 – 220.

С.А. Никольский

Живое и мертвое. Путешествие Андрея Платонова по царству смерти¹

Основные произведения большой прозы Андрея Платонова - философско-художественное исследование о преобразовании мира и об изменениях человеческого сознания под воздействием коммунистической теории. Главная мысль автора «Чевенгура» звучит как приговор: строящийся СССР – царство смерти, а сознание коммунистического человека – сознание мертвеца. То, что видел и описывал писатель – не фантазии. В художественных образах он философски осмысливал современную ему действительность. Такое понимание творчества Андрея Платонова до сих пор слабо представлено в современных литературоведческих исследованиях. В статье предпринимается попытка эти идеи раскрыть.

Andrei Platonov's major works of great prose form the philosophical and artistic study of the transformation of the world and the human consciousness under the influence of communist theory. Main idea of the author of "Chevengur" sounds like a death sentence: the USSR under construction - the realm of death, and the communist consciousness of a man - the consciousness of the dead. What the author saw and described is not a fantasy. In artistic images he philosophically contemplated his present-day reality. Such an understanding of Andrei Platonov's creative works is still poorly represented in modern literary studies. The paper attempts to uncover these ideas.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философия, история, литература, человек, общество, сознание, мораль, любовь, будущее

KEY WORDS: philosophy, history, literature, man, society, consciousness, morals, love, future.

* * *

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 14-03-00190 и продолжает исследование времени большевиков, начатое в работе о творчестве Осипа Мандельштама - ж. «Философия и культура». 2013. № 6. В данном тексте я буду анализировать повесть «Котлован» (1930), «Ювенильное море» (1934) и роман «Чевенгур» (1927).

В одном из писем Андрея Платонова есть ужасающие строки: «Тоска совсем нестерпимая, действительно предсмертная. Все как-то потухло и затмилось. ...Всюду растление и разврат. Пол, литература (душевное разложение), общество, вся история, мрак будущего, внутренняя тревога – всё, всё, везде, вся земля томится, трепещет и мучается» [Платонов 2013, 233]. Относится это не только к личной жизни писателя. Работая мелиоратором в центральных губерниях, в аппаратах Наркомзема в Москве и на местах Платонов хорошо представлял себе коммунистическое мировоззрение, знал реальность.

* * *

С писателем Андреем Платоновым советской власти не повезло. За все тридцать лет их сосуществования не было более глубокого ее критика, чем он. В художественных образах, наполненных философским смыслом, писатель передал не только собственное понимание большевизма, антибольшевистские настроения части общества, но и сформулировать развернутый приговор коммунистической идее. Выходило, что коммунизм, начавшийся с отмены предшествующей истории и вышедших из нее людей, на место уничтоженной прежней сущности человека пытался поместить новое содержание. Безрезультатно: созданное было не жизнеспособно. Царство смерти поглощало всё.

В отличие от великих предшественников XIX столетия, Платонов не имел надежды на лучшее. Наследуя идею свободы у Пушкина, он жил в созданной большевизмом тюрьме. Мечтая, подобно Гоголю, о живом человеке, был не в силах вырваться из нового царства мертвых душ. Ощущая вместе с Гончаровым животворящее вращение колеса природы, не видел для человека возможности выйти за пределы бытия, скованного уродуемой природой. Платонов, как и Толстой, искал формулу сопряжения жизни и смерти, и так же ее не находил. Его герои, как у Чехова, пронизаны неизбывной тоской. Но если у автора «Вишневого сада» тоска – преддверие смерти не уничтожает надежды спастись, то у Платонова это начало смертной агонии².

У огромного и разнообразного платоновского мира есть одна общая для всего скрепа – смерть. И обретается она не только там, где была в литературе прежде, за границей жизни. Большевизм втащил ее через порог в человеческий дом и теперь она заменила жизнь. Сказать, кто из героев Платонова жив (пока жив), а кто уже мертв, нельзя. Все существуют в стадии перехода от жизни к смерти и разница между ними лишь в том, что одни находятся в начале умирания, другие на пороге могилы, а третьи мертвы. Царство смерти везде, а Второго пришествия и воскресения мертвых не будет.

Непонятый Платонов

² Для знакомства с этой проблемой укажу на статью В.Н. Поруса «Бытие и тоска: А.П. Чехов и А.П. Платонов». Вопросы философии. 2014. № 1.

Из великих платоновских современников власть не принимали многие. Органически и бесстрашно – Анна Ахматова и Осип Мандельштам. С оглядкой, покорно, льстиво – Михаил Шолохов. В отличие от них, начиная со второй половины 20-х годов, Платонов открыто не признавал жизненности строя большевиков, делая это философски, концептуально, онтологически. Его слово для власти было тем более опасно, поскольку изначально он сам был отравлен фантазиями большевизма, но сумел их преодолеть. В прошлом остались уверенность в возможности сотворения нового мира посредством уничтожения мира старого; надежда, что старый мир не окажет сильного сопротивления, поскольку наполнен допотопными ручными орудиями и неприспособленными к жизни людьми; представление, что новый мир произведет умные машины и чистых людей.

Платонов – философ, которого уже более шестидесяти лет, понимают мало. Понимать, действительно, сложно. Писатель не соотносим ни с одной из известных философских конструкций.

К примеру, недавно вышла статья литературоведа К.А. Баршта о «Котловане». Автор уверяет, что философия Платонова глубоко связана с идеями А. Бергсона. «Оба мыслителя чувствуют, что вещи и дух не просто согласуются или сочетаются друг с другом, но образуют нерасторжимое единство, сокровенный смысл которого является основным направлением поисков человека». Строители «Котлована», «...растворяя свою волю в бергсоновской творческой интенции окружающей их мировой субстанции, обращают себя в коллективный орган творения, включаются в органическое единство с плотью земли как полным сокровенных ресурсов «веществом жизни» [Баршт 2007, 145, 154]. Допустим, что так. Но что из этого следует? Какие горизонты открывает нам платоновская мысль в такой интерпретации?

Точка зрения Баршта – о конкретной «привязке» - не редкость. Так же и уже давно пытаются соединить Платонова в связи с фигурой второстепенного философа Н. Федорова, экстраполируя юношеское увлечение на зрелого мастера. Много исследователей, далее, полагают, что пафос платоновской прозы - в натурфилософском видении мира. Разброс в аллюзиях необъятен: от якобы имеющего место следования Платонова концепции З. Фрейда о «родовой травме» и переживании человеком жизни как трагического изгнания из лона матери [Карасев 1995, 7], до причисления к буддизму или «натурфилософии» [Толстая-Сегал 1979].

Справедливости ради, для частичного оправдания интерпретаторских усилий, надо сказать, что в этом повинен и сам писатель. Молодой Платонов – мечтатель, изобретатель и радикальный преобразователь далеко не сразу понял, что российский мир, изуродованный большевиками, умер сразу после рождения. А вместе с ним, подобно Владимиру Ленину, убитому собственным фанатизмом, умер и Платонов. Но, в отличие от пролетарского вождя, он получил страшную долю: остаться сознающим и пишущим мертвецом среди бессознательных мертвецов - жителей страны советов. Прав Алексей Варламов, определивший жизнь писателя как «великое одиночество» [Варламов 2011, 73]. У мертвецов товарищей нет.

Можно, конечно, вслед за Хансом Гюнтером утешиться, что слова Платонова «мертвецы в котловане – это семя будущего в отверстии земли» - в одно и то же время обозначают смерть и новое возрождение [Гюнтер 2012, 10]. Но достоверно перед нами только одна история мертвых. И их семя в земле – мало пригодный для плодородия прах.

Гюнтер глубоко проанализировал тексты Платонова. Но он, как мне представляется, не нашел в себе достаточно сил для признания платоновского вывода, который в новую эпоху повторяет гоголевский приговор: «Россия в одеждах СССР – страна новых мертвых душ». Мысль эта тяжела. И чтобы избежать ее, Гюнтер изобретает схему, согласно которой у платоновской «утопии» якобы есть две стороны: разочарование уравнивается надеждой, распад - конструкцией, хаос – порядком.

Оптимизм в паре с фантазиями был свойственен молодому Платонову. Однако ошибка радостного взгляда на жизнь с трагической правдой произошла уже в пору написания истории строителя Епифанских шлюзов. Повесть эта – своего рода лекало для последующих крупных произведений. В ней есть все характерные для них структурные смысло-образы: деспот, родивший геополитическую идею для половины страны; проект, переворачивающий жизнь сотен тысяч подданных; реализаторы проекта – инженеры; огромный репрессивный аппарат; невиданные технические изобретения; неодолимое сопротивление природы; крах головной идеи; торжество господствующей над всем живым смерти – от воеводы, убивающего беглых крестьян, до палача полу-человека – полу-зверя³. По этой причине не получается, как хотел бы Гюнтер, числить Платонова в когорте мечтающих о государстве-утопии.

Надо отметить, что начиная с Октября, отечественные писатели столкнулись с небывалой до этой поры проблемой. Реальность была столь ужасна, что для ее изображения не годился ни один из известных жанров. То, что Платонов видел вокруг, было реально. Но если об этом ужасе рассказать правдиво, сочтут вымыслом, потому что столь отчетливо и глубоко видел только он один. Значит, следовало найти способ соединить реальность с фантазией, чтобы читатель вздохнул с облегчением: это преувеличено или придумано! И у Платонова создался новый философско-литературный жанр - реалистическая фантазмагория.

То же случилось и с языком. Все исследователи говорят о его странности, не объясняя, почему. Но разве может быть «правильным» язык, если нужно сообщить, что люди при жизни делают себе гробы и берегут их как главную ценность? А какие «правильные» слова могут отразить ту реальность, которая возникает внутри человека, которого сажают на плот или собираются прострелить горло? А такими идеями и соответствующими им действиями пронизана вся реальность. То есть, жизнь в нечеловеческом мире создает и свой язык.

³ В «Котловане» полу-человек и полу-зверь разделятся на полу-человека инвалида Жачева и определителя классовых врагов зверя-человека медведя, а в «Чевенгуре» эти образы продолжат полу-зверь профессиональный убийца Копенкин и почти полу-человек Пролетарская Сила.

В этой связи, предложенная мной гипотеза заключается в следующем. Большая проза Платонова – реалистическая фантазмагория, повествующая о жизни в царстве смерти. Вся она – репортажи об умирании, фактах смерти, жизни мертвых – написаны мертвецом и на языке мертвых. (Вспомните самую распространенную фотографию Платонова: на ней мне видится лицо мертвого человека). К тому же, еще предваривший Платонова в идее «жизни мертвых» Ф.М. Достоевский в рассказе «Бобок» подметил: улавливать и понимать язык мертвых могут только мертвецы. Но у Достоевского мертвые говорят языком живых, а Платонов дал им собственный язык.

Большие тексты Платонова состоят из отдельных очерков, связанных между собой линиями путешествия героев от одной смерти к другой. Они будто переходят от могилы к могиле и, останавливаясь, через слой земли прозревают историю каждого трупа на кладбище от Балтики до Тихого океана.

Смерть в мире Платонова существует в разных ипостасях: как данность, как предмет размышления, как воспоминание, как попытка жить. И даже когда речь идет о строительстве – символе будущего, это все равно повествование о завтрашней смерти. Вот почему каждый удар лопаты о грунт котлована оборачивается еще одной подвижкой в сооружении общей могилы.

По поводу «Котлована» нельзя не привести слова «соразмерного» Платонову Иосифа Бродского: это «произведение чрезвычайно мрачное, и читатель закрывает книгу в самом подавленном состоянии. Если бы в эту минуту была возможна прямая трансформация психической энергии в физическую, то первое, что следовало бы сделать, закрыв данную книгу, это отменить существующий миропорядок и объявить новое время» [Бродский 1973].

В литературоведческих исследованиях особого упоминания заслуживает имя Натальи Корниенко – наиболее компетентного исследователя творчества Платонова. В одном из ее текстов, который сам по себе заслуживает специального анализа, тема смерти органично встроена в разбор апокалиптических аллюзий, наполняющих «Чевенгур» [Корниенко 2005]. В связи с темой смерти назову и имя Елены Проскуриной. В ее изображении у смерти отмечается три аспекта: «мистериальный», содержащий идею воскресения; «абсолютного небытия» – смерть без воскресения; «иллюзорности жизни» – смерть как жизнь [Проскурина 2005, 137]. Соглашусь с наличием смерти без воскресения и смерти как жизни. Что же до идеи воскресения, то приведенные обоснования не убеждают. Исследователь утверждает, что смерть ребенка – жертвоприношение с целью остановить деструктивный процесс, что имя Анастасия символично, поскольку означает Воскресение.

Не думаю, что в повести есть нечто, позволяющее трактовать смерть Насти как жертвоприношение или говорить о попытках остановить деструктивный процесс. А имя девочки может быть истолковано не только как надежда на будущую жизнь, но и как прощание с ней. Вспомним о

смерти безымянного младенца в «Чевенгуре». Ведь обе смерти несут одинаковые смысловые нагрузки.

Из литературоведов, на мой взгляд, ближе всех к аутентичному пониманию платоновской идеи смерти подошел Алексей Варламов. Однако этот исследователь полагает, что в восприятии жизни Платонов как бы раздваивался: днем писал «преисполненный сочувствия к бедным, убогим, замученным батракам...», фактически прямо призывая к раскулачиванию и скорейшему созданию колхозов, а по ночам недремлющий сторож его души описывал в «Котловане», что торилось в зажиточных домах, после того как Чиклин «сделал Сталину колхоз» [Варламов 2011, 195]. Отчего такое раздвоение?

В одном из писем Платонова А.М. Горькому есть загадочная, но многое объясняющая фраза. Раскаиваясь в нанесенном власти хроникой «Впрок» политическом ущербе, Платонов пишет: «Идеологическая же вредность, самое существо дела, произошла не по субъективным причинам» [Платонов 2013, 305]. То есть, «субъективно», лично Платонов - писатель, заинтересованный в достижении коммунистических целей, не мог желать ущерба большевикам. Однако «объективно» Платонов – инструмент «евнуха души» (ангела-хранителя, удерживающего Платонова - человека вблизи Бога и водившего его рукой), не мог не писать о том, что было перед его глазами и внутренним взором. (Вспомним и о страшном ночном видении писателем самого себя, работающего за столом). Думаю, что в этом случае имело место то же, что отмечала Надежда Мандельштам, когда говорила, что Осип Эмильевич не сочинял, а «слушал стихи», которые начинали звучать в нем сами по себе. Он их лишь записывал. Поэтому он «не хотел уйти из жизни, не оставив недвусмысленного высказывания о том, что происходило на наших глазах» [Мандельштам 2006, Т. 1, 186]. Вот почему, возвращаясь к отмеченной Варламовым «раздвоенности», скажу, что настоящим Платонов был ночью, в то время как днем он мог принимать идею колхозов и обращаться с покаянным письмом к Сталину.

Что же все-таки хотел сказать Андрей Платонович, избирая себе в качестве символа бытия в СССР старуху с косой? Думаю, он пытался найти то, посредством чего можно сказать главное обо всем, объять необъятное. Размышляя над вопросом, что такое новая советская страна, он нашел ее первоосновной вездесущий «атом». Этот атом - смерть, связующая воедино предысторию страны, ее настоящее и будущее.

Напомню, что сам Платонов в статье 1922 года «Коммунизм в сердце человека» рассматривал смерть - физическое умерщвление буржуев - как единственный и неизбежный способ уничтожения прошлого, условие строительства нового общества. «Пролетарий не должен бояться стать убийцей и преступником и должен обрести в себе силу к этому. Без зла и преступления ни к чему в мире не дойдешь и умножишь зло, если сам не решишься сделать зло разом за всех и этим кончить его» [«Страна философов Андреея Платонова» 2005, Вып. 6, 481].

Обуздать смерть пытался гоголевский философ Хома. «Сделать зло разом... и этим кончить его» пробовал студент Раскольников. Клянет смерть

толстовская барыня, смиренно принимает мужик, не замечает смерти дерево (рассказ «Три смерти»). Смерть осталась не уязвимой, тем, к чему человеку не дано притронуться, пока он жив. Может быть, нечто подобное о смерти понял отец Саши Дванова, любопытный рыбак с озера Мутево. Ведь там, на дне, между жизнью и смертью, обитали рыбы, которые не думали, потому что уже знали. И также осознанно, как и отец, поиск иного бытия, отличного от существования в земном царстве смерти, ушел в озеро Саша.

Утверждение смерти в качестве универсального смыслообразующего начала в творчестве Андрея Платонова требует доказательств.

Смерть в стране советов. «Котлован»

Идея «Смерти в СССР» раскрывается в разными способами. Начну с семантического показа ее значимости в «Котловане», обращая внимание не только на само слово «смерть», но и на слова, близкие к нему по значению. Итак:

Вощева уволили из-за «слабосильности». Недостаток сил – свидетельство приближения смерти; он оказывается на «безлюдной» дороге. Приближающаяся смерть отделяет человека от других людей; на «глинистом бугре» стоит дерево с «завернутыми» листьями. На глине жизнь растений слаба, а перед умиранием листья свертываются; в пивной люди предаются «забвению своего несчастья». Атрофия памяти – свидетельство близости смерти; Вощев лежал и не знал, «полезен ли он в мире или все без него благополучно обойдется». Человек, лишний в жизни, не жилец; новый день Вощев встречает «с сожалением», потому что ему «предстояло жить». Жизнь – тягость. Тягость стараются прекратить; Вощев констатирует отсутствие «плана общей жизни» и то, что ему нужно «выдумать что-нибудь вроде счастья». Человек, не знающий как жить, недалек от того, чтобы жизнь остановить; в домах «безмолвно существуют» массы. Безмолвие – атмосфера смерти; в месте ночлега осталось «что-то общее» с жизнью Вощева. Углубление в земле – намек на могилу? увиденные Вощевым родители живут, «не чувствуя смысла жизни», все время забывая «тайну жизни». Лишенная смысла жизнь недалека от смерти; их ребенок растет «себе на мученье». Мученье, как правило, предваряет смерть и ею же прекращается; Вощев ложится отдохнуть и замечает, что рядом с головой лежит «умерший, палый лист», которому предстоит «смирение в земле». Прямые указания на смерть; Вощев убирает лист в мешок, где «он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности». Тем самым он обозначает свою траекторию жизни без смысла, то есть смерти?; более того, Вощев обобщает: «все живет и терпит на свете, ничего не сознавая». Из нас как будто извлекли «убежденное чувство». Жизнь, лишенная чувства и сознания – смерть; появившийся строй пионеров вроде намечает уверенность в силе жизни, но оказывается, что им сила жизни нужна лишь для «непрерывности строя и силы похода». То есть, и у пионеров – жизнь не для жизни; пионерки родились в то время, когда в полях «лежали мертвые лошади социальной войны» и не все девочки при рождении имели кожу из-за того, что матери недоедали. Смерть – часть детской истории; в разговоре с

Воцевым Жачев сообщает, что скоро помрет; Воцев гуляет между людей как «заочно живущий». Прямые указания на смерть; для ночлега Воцев находит «теплую яму» - «земную впадину» и это место «скоро скроется навеки под устройством». Место в земле, в которое уходят навеки – могила; в бараке все спящие «были худы, как умершие»; у них сердца бьются в «опустошенных телах»; спящие лежат «замертво», у них «охладевшие ноги» и каждый существует «без всякого излишка жизни»; Воцев чувствует «холод усталости» и ложится меж «тел». Прямые характеристики смерти; инженер Прушевский весь мир представляет «мертвым телом». В разговор вступает Чиклин: «...Отделаемся, тогда назначим жизнь и отдохнем». Сейчас землекопы не живут; Прушевский смотрит на строительство завода, где «нет ничего, кроме мертвого строительного материала и усталых, недумаящих людей». Прушевский строит здание «в чужой прок, лишь бы не тревожить своего сознания, в котором он установил особое нежное равнодушие, согласованное со смертью и с чувством сиротства». Он живет «предсмертную, равнодушную жизнь». Снова прямые указания на смерть; когда к землекопам с биржи труда присылают новую партию работников, каждый тут же придумывает себе «идею спасения». Спасение предполагает наличие чего-то ужасного, смертельного; Но спастись некуда. «Отживающий мир» обретает все большую ветхость. Чиклин идет на завод, так же ветшающий и постепенно поглощаемый расположенным рядом с ним кладбищем. Обветшавшая лестница под его весом превращается в «истомленный прах» и обрушивается. В помещении он находит умирающую женщину и ее дочь. Снова прямые указания на тлен и смерть; после ужина землекопы сели глядеть на девочку – свое будущее. А Жачев «еще с утра решил, что как только эта девочка и ей подобные дети мало-мальски возмужают, то он кончит всех больших жителей своей местности; он один знал, что в СССР немало населено сплошных врагов социализма, эгоистов и ехидн будущего света, и тайне утешался тем, что убьет когда-нибудь вскоре всю их массу, оставив в живых лишь пролетарское младенчество и чистое сиротство» [Платонов 1998, 125]. В будущем это «малое существо» «будет господствовать над их могилами и жить на успокоенной земле, набитой их костями» [Платонов 1998, 128]. Смерть, кладбище; к землекопам приходит крестьянин, чтобы забрать заготовленные деревней гробы. Крестьянство – класс, намеченный к уничтожению.

** * **

Описанные Платоновым отношения – не художественная выдумка. В основе вымысла – реальность. Так, большевики изначально строили политику, зная, что после уничтожения буржуазии, врагом рабочего будет избран крестьянин. Л. Троцкий, например, открыто заявлял: рабочий «придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти» [Троцкий 1922, 4-5]. Так же думал и писал Ленин.

Что же платоновский мужик? В разговоре с землекопами обнаруживается, что гробы занимают центральное место в их жизни. «У

нас каждый и живет оттого, что гроб свой имеет: он нам теперь целое хозяйство!» [Платонов 1998, 129]. Смерть, стало быть, не только вытесняет жизнь, а является ее условием.

Чиклин оставил два небольших гроба, предназначавшихся для крестьянских ребят, Насте: «в одном гробу сделал ей постель на будущее время, когда она станет спать без его живота, а другой подарил ей для игрушек и всякого детского хозяйства: пусть она тоже имеет свой красный уголок» [Платонов 1998, 128]. Будущее Насти – в смерти.

Авторский анализ смерти ширится и переходит в сарказм. Вот Козлов, став начальником, прекращает домогательства одной дамы стихами:

*«Где раньше стол был яств,
Теперь там гроб стоит!»*

Отправленные в деревню для раскулачивания Сафронов и Козлов убиты. Чиклин ложится спать между трупами, «...потому что мертвые – это тоже люди» и обещает доделать их дела. Здесь бытие смерти обретает новое измерение. И снова Платонов не удерживается от сарказма: обнаруживается, что мертвых на столе стало уже четверо. Оказывается, последний мертвец – доброволец, «лично умерший» от вида «организованного движения» масс в колхоз. А по улицам деревни «бродят массы, а над ними встает вечерняя желтая заря, похожая на свет погребения». Тема смерти как убийства обретает перспективу.

Чиклин в одной избе находит лежащего в гробу мужика, добровольно намеревающегося умереть. В церкви курит стриженный поп, который записывает прихожан и докладывает активисту. Поп признается Чиклину, что ему «жить бесполезно», потому как он остался без Бога, а Бог без человека. И тут следующий шаг – смерть.

Значительную часть финала повести составляет подготовка и сплав в океан «кулака как класса». Этому предшествует уничтожение всего живого, чем жил крестьянин. Так, старый пахарь «целовал молодые деревья в своем саду и с корнем сокрушал их прочь из почвы». А вот хозяин двора, умертвляющий лошадь. Он «взял клок сена из угла и поднес лошади ко рту. Глазные места у кобылы стали темными, она уже смежила последнее зрение, но еще чуяла запах травы, потому что ноздри ее шевельнулись и рот распался надвое, хотя жевать не мог. Жизнь ее уменьшалась все дальше, сумев дважды возвратиться – на боль и еду. Затем ноздри ее уже не повелись от сена, и две новые собаки равнодушно отъедали ногу позади, но жизнь лошади еще была цела – она лишь бледнела в дальней нищете, делилась все более мелко и не могла утомиться» [Платонов 1998, 155].

Герои знают, что в будущем их тоже ждет смерть. Прушевский, глядя на девочку, сожалеет, что ей «надлежит мучиться сложнее и дольше его» [Платонов 1998, 123]. Активист призывает колхоз «к социалистическому порядку, ибо все равно дальнейшее будет плохо» [Платонов 1998, 143]. Его самого, как не справившегося, тоже убивают. А Воцев говорит Насте: «...Трудись и трудись, а когда дотрудишься до конца, когда узнаешь все, то уморишься и помрешь. Не расти, девочка, затоскуешь!» [Платонов 1998, 171]. Настя умирает и Жачев, потерявший веру в будущее, уползает, чтобы

на прощанье убить товарища Пашкина. Последней фигурой, возникающей в финале повести, оказывается Мишка-молотобоец: Чиклин дал ему прикоснуться к Насте на прощанье. Смерть забрала всех, кого могла. А уход остальных – вопрос недолгого времени.

В «Котловане» прошлое, настоящее и будущее героев никак не связано с жизнью. Напротив, обусловлено смертью. И как подтверждение господства смерти, неожиданно прорезается авторский голос: Вошев отошел в сторону от землекопов и девочки, «довольный, что он больше не участник безумных обстоятельств».

Платонов подводит итог: «устало длилось терпение на свете, точно все живущее находилось где-то посредине времени и своего движения: начало его всеми забыто и конец неизвестен, осталось лишь направление» [Платонов 1998, 175]. Смерть везде, во всех и во всем. Написать «Котлован», как верно замечает А. Варламов, мог только человек «с мертвыми бесслезными глазами».

Смерть в романе и в истории. «Чевенгур»

Роман изобилует аналогиями с реальностью и выражениями авторской позиции. И по главному для себя вопросу – о смысле революции, не смотря на то, что в стране уже начались политические процессы, Платонов высказывался смело. Вот Саша и Захар Павлович пришли записываться в партию и Захар Павлович думает, что большевики, наверное, будут «умнейшей властью, которая либо через год весь мир окончательно построит, либо поднимет такую суету, что даже детское сердце устанет» и тут же дает рецепт отношений власти и народа: «Имущество надо унижить... А людей оставить без призора - к лучшему обойдется, ей-богу, правда!» [Платонов 1998, 237]. Так думал и Платонов.

Вот «бог», который ест глину. Для того, чтобы крестьяне в него поверили, он решает в одну ночь объявить отъем земли, а на другую – раздачу ее обратно. В этом случае «большевистская слава по чину» будет его. Реальные манипуляции власти с землей – те же планы «бога» с коррекцией на время. Большевистское аграрное законодательство начиналось с лозунга «Земля – крестьянам!» и раздав землю в первые месяцы после октября, большевики в течение 1918 – начала 1921 годов последовательно отбирали землю и свободу хозяйствования на ней назад, а с «поворотом» к НЭПу – фактически снова вернули. Как оказалось, опять же, ненадолго.⁴

Саша и командир степных большевиков Степан Копенкин начинают путешествие и посетив лесничество, решают вырубить лес. Аналоги этого были в практике. Все коммунистическое мировоззрение того времени пропитано духом партийного сциентизма — безоглядной веры в возможности «коммунистического» знания и немедленного действия, отвечающего интересам «неимущих масс». Современники говорят, что стоило кому-либо произнести, например, «электричество» или

⁴ Подробнее об этом см.: Никольский С.А. «Аграрный курс России». М. 2003.

«электрический плуг» и дальнейшие вопросы исчезали, а появлялась уверенность в простом разрешении любых проблем.

О плане жизни и переделки масс послушаем Ленина: надо «чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку. Легко ли это сделать? Вы видите, что тут нельзя добиться решения так же легко, как прогнать царя, помещиков и капиталистов. Тут надо, чтобы пролетариат перевоспитал, переучил часть крестьян, перетянул тех, которые являются крестьянами трудящимися, чтобы уничтожить сопротивление тех крестьян, которые являются богачами, наживаются на счет нужды остальных» [Ленин, Т. 41, 310-311].

А вот что по этому поводу думает платоновский деревенский кузнец: «Десятая часть народа – либо дураки, либо бродяги, сукины дети, они сроду не работали по-крестьянски – за кем хошь пойдут. Был бы царь – и для него нашлась бы ячейка у нас. И в партии такие же негодящие люди... Ты говоришь – хлеб для революции! Дурень ты, народ ведь умирает – кому ж твоя революция останется?» [Платонов 1998, 325].

Очередной пункт в путешествии Дванова и Копенкина – коммуна «Дружба бедняка». Ее изображение точно соответствует коммунам, создаваемым властью. Существовали они исключительно на дотации государства и «доедая» провиант, захваченный у эксплуататоров. Работали коммунары из рук вон плохо. И в платоновской коммуне крестьяне не пахут, дабы не нарушать устроенный порядок нахлебничества.

Удерживая власть любыми средствами, Ленин понимал, что сила у того, у кого хлеб. По этой причине возникшая с начала века кооперация как форма хозяйственной самоорганизации крестьянства была объявлена врагом. Заместитель наркома продовольствия М.И. Фрумкин так оценивал действия власти: это было стремление превратить кооперацию «в небольшой придаток к государственному организму. Мы «изживали» кооперацию с такой поспешностью, словно изживание мелкобуржуазных настроений и интересов деревни приходило уже к концу. ...Мы действовали так без особой нужды, только во имя голой схемы» [Четыре года продовольственной работы 1922, 78].

Платонов точно воспроизводит большевистские мечтания о мировой революции. Ее подготовка стала одной из задач созданного Москвой III Интернационала, в том числе посредством немалого финансирования. Платонов говорит: «В то время Россия тратилась на освещение пути всем народам, а для себя в хатах света не держала» [Платонов 1998, 327]. Копенкин, тоскующий о «гражданке Розе» - предугаданный образ Че Гевары и экспорта революции.

Непоколебимыми сторонниками военно-коммунистических приемов перехода к новому строю, кроме Л. Троцкого, были видные вожди партии - Н. Бухарин и Е. Преображенский. Последний в научно-футурологическом эссе от лица профессора истории (который, будучи «гармонически развитой личностью», одновременно трудится в железнодорожных мастерских) рассказывает потомкам в 1970 году о событиях после Октября.

Прежде всего, говорит профессор-слесарь, вы должны попытаться представить тех участников революции. «Вам, например, трудно поверить, что великие дела этой эпохи совершали люди с такими слабостями, недостатками, иногда с преступными наклонностями, почти всегда с необычайно низким культурным уровнем, как было в действительности, поскольку мы говорим об общей массе, а не об отдельных единицах или небольших группах» [Преображенский 1922, 81]. И далее: после введения нэпа в экономике воцарился «рыночный хаос», что потребовало его обуздания. За это взялось государство. Но оно все равно оно испытывало «ограниченность своих экономических средств для мощного движения вперед». Психологически это выражалось во все более нервном ожидании пролетарской революции на Западе. «Если б революция на Западе заставила бы себя долго ждать, то такое положение могло бы привести к агрессивной социалистической войне России с капиталистическим Западом при поддержке европейского пролетариата» [Преображенский 1922, 120]. Этого не произошло: революция на Западе стучалась в двери. Массы разочаровались в капитализме. Возникли Советская Австрия и Советская Германия. Против них выступили Польша и Франция, но внутри этих стран восстали рабочие. В войну вступила Советская Россия. Конница Буденного лавиной прокатилась по степям Румынии и воссоединила Болгарию и Россию. Красная Армия и войска Советской Германии вступили в Варшаву. Победа пришла к пролетариату Франции и Италии. Помощь буржуазии Северо-Американских Соединенных Штатов, спешившая через океан, опоздала. Возникла Федерация Советских республик Европы с единым плановым хозяйством. Промышленность Германии соединилась с русским земледелием. Россия, перегнавшая до этого Европу в политической области, теперь «скромно заняла свое место экономически отсталой страны позади передовых индустриальных стран пролетарской диктатуры» [Преображенский 1922, 137-138]. И так далее.

Очевидно, что в романе за средневековыми латами товарища Пашинцева видны комиссарские кожанки, за Розой Люксембург – конный бросок Красной Армии на Варшаву и готовящий мировую революцию новый Интернационал, а за устройством заповедника, убийством имущих в Чевенгуре или сплавом кулаков – выселения и уничтожение «непролетарских элементов» по всей стране. Ошибался ли Платонов в изображении царства смерти?

Играть в революционные игры могут фанатично настроенные или ущербные люди. Неудержимый в своих фантазиях недоросль Саша Дванов и запрограммированный революционными лозунгами убийца Копенкин – пара друзей, путешествующих по стране в поисках самосевного коммунизма. «Товарищи грабить поехали, пропасти на них нет!» - так определяет героев встретивший их в степи человек. Впрочем, разрешает себе такую мысль он только тогда, когда отошел далеко. Не Платонов ли это?

Смерти в «страшном Чевенгуре» посвящены многие страницы. Начиная с приказа Чепурного Пиюсе «сделай мне город пустым», Платонов подробно и отстраненно, как в операционной при ампутации части человеческого тела,

свидетельствует об «учреждении коммунизма». Так, после того как Пиюся первым выпустил пулю в голову буржуя, из нее вышел «тихий пар» и человек упал на землю, «обняв ее раскинутыми руками и ногами, как хозяин хозяйку.

Чекисты ударили из нагана по безгласным, причастившимся вчера буржуйам – и буржуи неловко и косо упали, вывертывая сальные шеи до поврежденья позвонков.

...Где у тебя душа течет – в горле? Я ее сейчас вышибу оттуда!» [Платонов 1998, 389-390].

После совершения экзекуции «Чепурный и Пиюся решили дополнительно застраховать буржуев от продления жизни: они подзарядили наганы и каждому лежащему имущему человеку – в последовательном порядке - прострелили сбоку горло – через железки» [Платонов 1998, 391].

Все происходит обыденно, что предвидел и благословлял пролетарский вождь. Для государства «вчераших наемных рабов», писал он, - дело подавления будет «настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле» [Ленин, Т.33, 90]. Именно это сообщает нам Платонов, когда подводит итог действиям Пиюси: «Буржуев в Чевенгуре перебили прочно, честно, и даже загробная жизнь их не могла порадовать, потому что после тела у них была расстреляна душа» [Платонов 1998, 385].

Жизнь сквозь смерть. «Ювенильное море»

В заключительной части повести есть размышление одного из главных героев Николая Вермо: «Зачем строят крематории? – с грустью удивился инженер. – Нужно строить химзаводы для добычи из трупов цветметзолота, различных стройматериалов и оборудования» [Платонов 1998, 65]. Бред? Нет, еще одна важная грань большевистского сознания – фантазийная.

Зародившись в «Епифанских шлюзах» как идея добычи большой воды для судоходного канала из подземного озера, эта грань никогда не оставалась забытой. В «Котловане» она материализовалась в общепролетарский дом. В «Чевенгуре» - во все, с чем связывают свое бытие герои: от могилы «гражданки Розы» до самосевного продукта. Однако в отличие от других произведений, в «Море» фантазийность - чуть ли не главный способ жизнепрживания героев. Ее примеры – идеи извлечения на поверхность «древней воды», лежащей в недрах в «кристаллическом гробу»; выведения вместо обычного скота «социалистических гигантов, вроде бронтозавров, чтобы получать от них по цистерне молока в один удой»; предложение отапливать пастушьи курени «весовой силой обвалов или варить пищу вековым опусканием осадочных пород» и еще многое.

И здесь обнаруживается, что фантазийность не просто полет мысли отдельных чудаков. Будучи изначально рассогласованной со здравым смыслом и научным знанием, она, тем не менее, постоянно воспроизводится в структурах общественного сознания. Почему же она необходима? Думаю,

поскольку фантазийность не контролируется здравым смыслом, у нее действительно обнаруживается драгоценное для царства смерти свойство – ею решается проблема «соседства» живого и мертвого. Фантазия, не претендуя на пространство жизни, одновременно лишает пространства смерть.

Большевизм, поселивший жизнь в смерти, не мог этой возможностью не воспользоваться. Утверждения – «сегодняшние поколения живут ради счастья будущих»; «очистим землю, посадим сад и еще сами успеем погулять в том саду»; «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» – тому свидетельства. Эти идеи – не отрицание жизни, а «превращение будущего в родину».

Обращаясь к фантазийности, Платонов откликается на традицию анализа феномена смерти в русской классике. Но вместо найденного ею способа – установления границы и поиска возможностей удержания смерти на этом рубеже – автор «Моря» предлагает новый: смерть вытесняется за границы бытия, поскольку бытие обретает столь фантастические формы, что ни для жизни, ни для смерти места нет. Герои, охваченные фантазиями, не знают страха смерти. И ничего, что жизнь превращается в бред. Это не замечается. Фантазийность, к тому же, приходит не одна, а со своим спутником – фанатизмом. Поэтому одержимые тем и другим герои советской литературы смерти не боятся.

Авторский рецепт фантазийного, «внесмертного» бытия уже в первых абзацах повести являет читателю Николай Вермо. Пока он движется в глубину степи, он, оказываясь, уже открыл причину землетрясений, вулканов и векового переустройства земного шара. И чем такого рода фантазийный мир грандиознее, тем он надежнее защищает от страха смерти.

Однако от чего герой все же тоскует, ведь он участвует в «пролетарском воодушевлении жизни» и скапливает вместе с друзьями посредством творчества и строительства «вещество для той радости, которая стоит в высотах нашей истории»? Отмечу, что понятия «тоска» и «скука» у Платонова – предвестники смерти. «...Я сейчас помру, мне скучно начинается», – говорит, к примеру, один из героев «Чевенгура» [Платонов 1998, 549]. Ответ дается через столкновение разных способов жизни. Тоска Вермо объясняется при встрече с Умрищевым, читающим о жизни Ивана Грозного. Умрищев со своим девизом «Не суйся!», разумно, по мнению автора, «не хотел соваться в железный самотек истории, где ему непременно будет отхвачена голова» [Платонов 1998, 9]. Вермо же не только суется, но как бы летит по гребням волн, спасаясь до поры тем, что перескакивает с одной на другую. Однако конец эквилибристике уже виден: дальше Америки и дальше, чем на полтора года, Вермо и Босталоевой плыть некуда. А провожают их, что значимо для философского понимания повести, герои, олицетворяющие противоположные принципы жизни – «Не суйся!» (Умрищев) и «Добудем воду из подземных морей!» (Федератовна). Борьба этих начал, похоже, неизбежна.

О большевистской нетерпеливости уже в начале НЭПа предсмертно, расплывчато и, возможно, с оттенком раскаяния писал Ленин: «Переход к

«коммунизму» очень часто (и по военным соображениям; и по почти абсолютной нищете; и по ошибке, по ряду ошибок) был сделан без промежуточных ступеней социализма» [Ленин, Т. 44, 473]. И еще: «О наших задачах экономического строительства мы говорили тогда гораздо осторожнее и осмотрительнее, чем поступали во вторую половину 1918 года и в течение всего 1919 и всего 1920 годов» [Ленин, Т. 44, 156]. Покаяние? Едва ли.

* * *

Полнота рассмотрения философской категории смерти как самой по себе, так и в ткани художественного произведения, требует ее соотнесения с естественными оппозициями – рождением или жизнью. Этого в произведениях нет. Однако это не недостаток. Андрей Платонов создает особый прецедент. Он анализирует не просто мертвое или живое, а «мертвое живое». Предмет объединяет в себе оба начала, тем самым снимая вопрос о естественной оппозиции. И с этим читателю приходится мириться, еще глубже задумываясь над тем, чем было время большевиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баршт 2007 – К.А. Баршт. Истина в круглом и жидком виде. Анри Бергсон в "Котловане" Андрея Платонова. «Вопросы философии». 2007, № 4.

Бродский 1973– Иосиф Бродский. Послесловие к «Котловану» А. Платонова. 1973. http://lib.ru/BRODSKIJ/br_platonov.txt

Варламов 2011 – Варламов А. Андрей Платонов. ЖЗЛ. М. 2011.

Гюнтер 2012 – Гюнтер Х. По обе стороны утопии. М., 2012.

Карасев 1995 – Карасев Л. Движение по склону. (Пустота и вещество в мире А. Платонова) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. — М., 1995, вып. 2.

Карасев 2005. – Карасев Л. «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 6. М., 2005.

Корниенко 2005 – Корниенко Н. Чевенгурские мечтания о новом человеке в статьях Платонова 1920-х годов. // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества». Выпуск 6. М., 2005.

Ленин – Ленин В.И. Полн. собр. соч. ТТ. 33, 41, 44.

Мандельштам 2006 – Надежда Мандельштам. Воспоминания. Т. 1. М. 2006. С. 186.

Платонов 2013 – Андрей Платонов. «...я прожил жизнь». Письма (1920 – 1950 гг.)» М. Астрель. 2013.

Платонов 1998 – Андрей Платонов. Ювенильное море. М. 1998.

Троцкий 1905 – Троцкий Л. 1905. М. 1922. СС.

Преображенский 1922 – Преображенский Е. От НЭПа к социализму. Взгляд в будущее России и Европы. М. 1922.

Проскурина – Проскурина Е. «Гримасы смерти у Платонова» («Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море»). // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества». Выпуск 6. М., 2005.

«Страна философов Андрея Платонова» 2005, Вып. 6.

Толстая-Сегал 1979 – Толстая-Сегал Е. Натурфилософские темы в творчестве Платонова 20-30-х гг.// Slavica Hierolosolymitana. — Jerysalem, 1979, t. 4.

Троцкий 1922 – Троцкий Л. 1905 год. М. 1922.

Четыре года продовольственной работы. М., 1922.